ВОЕННАЯ

гроза

послѣднія телеграммы и новости и всѣ вѣрнѣй вѣрнаго!

Приключенія, размышленія и видѣнія Дѣда Травоѣда. Изданіе автора.

юмористическій и сатирическій альманахъ.

Складъ изданія: Москва, Домниковская д. 2, кв. 25. При типографіи

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ

юмористическій и сатирическій альманахъ въ красскахъ, съ рисунками

Иванъ Вильгельмъ Варшаву взялъ?

„ШРАПНЕЛИ“

анекдоты, злобы дня, стихи и шутки.

Цѣна въ Москвѣ 3 коп. въ провинціи 5 коп.

Слѣдующій альманахъ выйдетъ подъ названіемъ „ТОРПЕДА“

Масляница въ Берлинѣ.

За отсутствіемъ мужчинъ
Скученъ бабамъ сталъ Берлинъ
И въ звѣринецъ всѣ бѣгутъ--
Справить масленицу тутъ

Слонъ--любезный кавалеръ,
Всѣмъ скотамъ даетъ примѣръ
Нѣмку выбралъ, господа,
Прямо--пара хоть куда!

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
№ 23788 1960 г.

Экстренныя телеграммы дѣда Травотѣя.

(13 января—6 февраля).

Вѣсти идутъ все прекрасныя:
Нашъ народъ какъ богатырь,
Силы крѣпкія, запасныя
Расправляетъ вдаль и вширь!
На карпатскихъ перевальчикахъ
Онъ съ австрійцемъ сталъ играть:
Учитъ, какъ ходить на пальчикахъ,
Чтобы до дому бѣжать.
Въ Польшѣ нѣмецъ вѣсомъ въ сто пудовъ
Въ землю вросъ и корчевать
Эту дылду надо тьму трудовъ,
Что-бъ чудовище убрать!
Ежедневнымъ корчеваніемъ
Русскій занялся народъ
И трудясь съ такимъ стараніемъ,
Онъ свое уже возьметъ!
У Вильгельма приключеніе:
Хлѣба мало для людей.
Онъ ужъ далъ распоряженіе:
„Нѣмецъ, ѣшь какъ... воробей!"
Но изъ нѣмца да воробушка
Очень трудно сотворить—
Воробьевъ онъ настоящихъ-то
Можетъ сотню проглотить,
Отъ такого приключенія
Лишь самъ кайзеръ прокъ имѣлъ,
Сталъ питаться какъ видѣніе
И ничуть не похудѣлъ.
Впрочемъ слухъ идетъ и вѣрится,
Что Вильгельмъ Мамона чтитъ:
На виду не съѣстъ и корочки—
За глаза—кабанъ хруститъ.
Сербамъ снова наступленіе
Нѣмцевъ надо отражать,
Ишь вѣдь жадные—все мало имъ,
Просятъ снова потрепать.
Изъ Тавриза турокъ вымели
Ваши грязною метлой,
Поплатились безумные
Тутъ своею головой.
Визгъ идетъ по всей Германіи
Получился вдругъ приказъ:
Треть свиней для экономіи
Перерѣзать про запасъ.
Изъ свиней всѣ нѣмцы стряпаютъ
Колбасы, окорока,
Только хлѣба изъ свинины печь
Не придумали пока.
Въ Кельнѣ бѣлый хлѣбъ въ аптекахъ лишь,
По рецептамъ продаютъ.
До собакъ, воронъ и падали
Скоро нѣмцы знать дойдутъ.
А у насъ?—дѣвать хлѣбъ некуда
А полгода какъ пройдетъ.
Еще больше дара Божьяго
Урожай намъ принесетъ.
Хватитъ всѣмъ и завоеннымъ
Хватитъ даже и врагамъ,
Но, конечно, имъ тогда дадимъ,
Покорятся когда намъ...
Вся Россія встала дружною
Силой-ратью на войну
И семью теперь досужную
Не найти здѣсь ни одну.
Всколыхнулось все стоячее,
Все проснулось, что спало,
Видно время обновленія
Неизбѣжное пришло...
Разлилась народа силушка
Точно море—океанъ...
Сторонитесь други—недруги,
Всталъ на ноги великанъ!

25 января.

МАСЛЯНИЦА БЕЗЪ ВЫПИВКИ.

Пріѣхала безобразница въ нынѣшнемъ году совсѣмъ не такъ, какъ прежде, не на блинѣ, обнимаясь съ опарой и въ предшествіи графинчиковъ, бутылочекъ, стаканчиковъ да рюмочекъ, а скромно, прикрывъ даже безстыжіе глаза снѣжными сугробами и съ мѣста въ карьеръ въ пляску не пустилась, а сначала государственными дѣлами занялась.

— Матушка, что жъ ты насъ сегодня обездолила?!—пеняли ей забулдыги-гуляки-пьяницы.

— Ужъ мы-ли тебя не ублаготворяли, себя даже не жалѣли? Прямо можно сказать, костьми ложились!!

— Теперь и безъ меня есть выходъ для всякой удали и молодечества!—отвѣчала имъ масляница.—Идите на войну, тамъ и покажите свою широкую натуру.

— Голубушка наша, благодѣтельница, посмотри ты, что съ нами-то стаялося!—заголосили, какъ старыя бабы, ресторанщики-трактирщики, виноторговцы и пивоторговцы.—Мы думали, что ты къ намъ теперь и вовсе не пожалуешь, потому какая ужъ масляница безъ выпивки?

— А вотъ я и безъ выпивки васъ навѣстила. Чего жъ вы мнѣ не радуетесь?

— Какой ты намъ, такая тверезая, нужна! Тутъ ужъ около тебя руки не погрѣешь!—хоромъ заорали обозленные кабатчики.

— Ну и проваливайте, пока цѣлы!—пригрозила масляница чумичкой.—Безъ васъ дѣло лучше будетъ.

Пробовали тутъ упрекать масляницу и еще кое кто, кому отъ грязнаго и темнаго отъ пьянства народа большая польза была, да она ихъ по другому мугнула.

— Не видите развѣ, что прежній народъ теперь трезвымъ сталъ и живо разберетъ, что вы такіе за благодѣтели ему будете. Узнаете тогда сами Кузькину мать...

Оглянулись на трезвый народъ „благодѣтели" и поежились. Хотѣли что то сказать, да видно языки прикусили.

Съ масляницей господа!

ВОЙНА НА ЛУНѢ.

На лунѣ живутъ народы мелкоросліе, не больше мухи, но это не мѣшаетъ имъ быть очень воинственными, задорными и вести между собой кровопролитныя войны, сплошъ и рядомъ по самымъ пустяшнымъ поводамъ, о которыхъ у насъ и подумать-то нельзя бы было. То одинъ вождь лунныхъ жителей не съ той ноги съ постели встанетъ, то другой ногу объ камень ушибетъ, сейчасъ—война!

Въ настоящее время у нихъ ведется война изъ за того, что одинъ вождь чихнулъ, а другой ему: „будте здоровы!" не сказалъ.

Лошадей на лунѣ нѣтъ, а есть порядочныя блохи, всѣхъ мастей, на которыхъ лунные человѣчки и скачутъ куда лише всякихъ нашихъ кавалерій. У насъ какъ всадники не скачутъ, а нерезъ головы другъ другу не перескакиваютъ, а лунные кавалеристы не только черезъ голову одного всадника, а даже черезъ цѣлые отряды и дома перескакиваютъ на своихъ ретивыхъ коняхъ блохахъ.

Какъ запрыгала такая кавалерія по лунѣ, затрубила въ золотыя трубы, заблестѣла блестящими мечами, такъ и луна стала тусклой, какъ будто ее персидскимъ порошкомъ посыпали.

Столкнулись двѣ арміи на лунѣ и до тѣхъ поръ дрались между собой, пока ни одного воина въ живыхъ не осталось, кромѣ вождей.

Тогда осиротѣвшіе вожди волей неволей должны были помириться...

— И что бы тебѣ сказать тогда, когда я чихнулъ; „будьте здоровы"?—упрекнулъ тотъ, который чихалъ, того, который „будте здоровы" не сказалъ.

— Да я бы сказалъ, но я не слыхалъ, какъ ты чихалъ!—оправдался второй.

— Да неужели правда?—удивился первый.—Вѣдь вишь ты исторія какая! А мы всѣхъ своихъ солдатъ и укокошили ни за что, ни про что...

— Ну, это не бѣда!—успокоилъ его второй.—Ихъ много и они скоро опять народятся... Только ты на слѣдующій разъ, сдѣлай милость, погромче чихай!..

На лунѣ годъ мѣньше нашего мѣ-

Бывшая сила.

НѢМЕЦЪ. — Малшикъ, не дражнишъ! Вольно пороть буду...
МАЛЬЧИКЪ. — Фигу не хочешь-ли нѣмчура поганая! Раньше ты, что хотѣлъ, то и творилъ съ нами на заводѣ, а теперь отошла котамъ масляница!

сяца, поэтому по истеченіи нашего года на мѣстѣ убитыхъ солдатъ появилось новые, молодые и еще въ большемъ количествѣ.

Вспомнилъ тогда тотъ, который чихалъ, что другой ему „будьте здоровы" не сказалъ да взялъ нарочно и чихнулъ какъ можно громче. А тотъ слышетъ, что этотъ нарочно чихаетъ и не сказалъ „будьте здоровы", потому зачѣмъ же „будьте здоровы" говорить, коли чихаютъ по нарочному, а не по настоящему?

— Эге?—думаетъ чихунъ.—Такъ ты, значитъ, и тогда совралъ, коли и сейчасъ не здороваешься? Давай же, когда такъ, опять воевать.

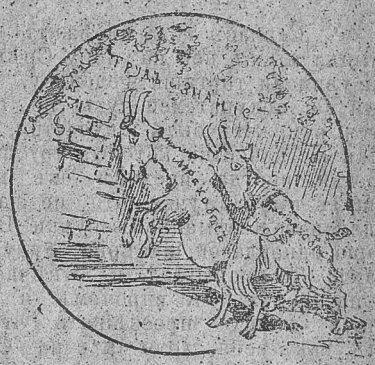
Пошли солдаты Чихуна на невдравствующагося, поскакала кавалерія на блохахъ...

— Ты нарочно чихалъ, что бы войну начать!—сказалъ тутъ не здравствующійся.—Такъ хорошо-же я тебя проучу—всѣхъ твоихъ солдатъ перебью.

— А я всѣхъ твоихъ перебью!—крикнулъ чихунъ и бросились тутъ солдаты другъ на друга, начали убивать и опять бы всѣ другъ друга перебили и остались бы одни вожди дожидаться когда снова подростутъ солдаты, но въ

Германскія усилія.

Нѣмки всѣхъ кетовъ зовутъ
На войну...
А коты въ отвѣтъ ревутъ:
Мяу--мяу!



Стѣну крѣпкую козламъ
Не разбить...
Имъ придется безъ роговъ
Походить.

это время съ земли стали доноситься до луны пушечные выстрѣлы да такіе, которыхъ лунные жители еще и не слыхивали. Это обстоятельство прекратило лунное кровопролитіе.

Сейчасъ же появились лунные ученые, разставили самые усовершенствованые астрономическіе инструменты и стала имъ вся земля, какъ на ладонкѣ, видна и города и желѣзныя дороги и люди...

— Сейчасъ на землѣ идетъ великая, небывалая война!—объявили лунные ученые остальнымъ луннымъ жителямъ.—Смотрите въ эти стекла и слушайте наши объясненія.

(Продолженіе будетъ)

Балагуръ.

Старуха, вставать пора! Ай позабыла о чемъ говорили вчера?

Протерла старуха свой единственный глазъ и вставъ на четвереньки, какъ тарантасъ, долго головой мотала, пока сгустившіеся мозги въ ней не разболтала.

Вспомнила. гритъ, что мы къ отцамъ преподобнымъ собирались на богомолье посмотрѣть на ихнее раздолье и провѣрить, правда-ли въ Думѣ говорили, что въ Россіи только они манахи для раненыхъ маловато отвалили?

Вотъ то-те и оно-то, въ ротъ тебѣ старца Ѳедота... Надо дѣла-то не забывать, ораньше вставать и трогаться въ дорогу длинную, не жалѣя свою кость старинную...

Живо, братцы, одноглазая прибралась скорѣй стриженой дѣвки причесалась, а я о манахахъ только потому заговорилъ, что иначе бы старую дуру до вечера не разбудилъ. Любитъ этихъ самыхъ монаховъ, вурдалакъ ее возьми прямо—хлѣбомъ не корми! Спасти-ли

ей очень душу желается, или длинныя волосья нравятся, объ этомъ не говоритъ, а гдѣ монаха учуетъ, такъ ужъ ау—

Сейчасъ туда побѣжитъ!

Вышли мы съ ней на улицу Срѣтенку и увидали торташа Феденьку, который на покупателей чуть не бросается, а можетъ быть и кусается, дѣвушки же красотки, которыя трусливы и кротки, иногда наединѣ отъ него слышутъ такія штучки, что не жалко бы для него и нѣмецкой взбучки. Вотъ говорю одноглазой, навѣрно будущій монахъ. Та понюхала и отвѣчаетъ: еще не пропахъ! А впрочемъ я его сейчасъ начну просвѣщать, чтобы зналъ, какъ себя, хотя бы и на Срѣтенкѣ, держать! И просвѣтила... Такъ просвѣтила, что Федина башка прямо въ „Уранъ" угодила, и только потому стекло не разбила, что стекло крѣпче головы оказалось—

Не подалось!

Потомъ мы отправились на Сухаревскій рынокъ, попробовали молоко изъ крынокъ, на торговокъ поплевали и въ мясныя палатки заглядывать стали. Торгаши намъ всякую всячину въ носъ пихаютъ, товаръ восхваляютъ, но въ руки брать не позволяютъ и особенно, Боже избави къ носу подносить начинаютъ такую сухаревскую словесность нести, что одной глупой бабенкѣ отъ стыда еле удалось ноги унести.

Махнули мы съ одноглазой рукой и пошли на складъ дровяной. Въ это время дровяники арифметикой занимались и изъ четырехъ саженъ цѣлыхъ пять выложить старались. Пыхтѣли да пыхтѣли и все же задачу эту рѣшить сумѣли.

Начала тутъ одноглазая другую арифметику преподавать, костылемъ науку вбивать, четырежды четыре — шестнадцать, да пятью пять — двадцать пять, все не только по спинѣ и бокамъ а даже и по щекамъ и носамъ...

А теперь бритъ и къ монахамъ пора... Ну ужъ, говорю, нѣтъ, отложимъ до утра, а то ты и монаху задашь такого же страху...

Такъ и не пошелъ, куда не полагается.

Пусть имъ покается!

Военный раекъ.

Здравствуйте други пріятные, лепешки мятные, пряники-орѣхи, дѣтскамъ для потѣхи, а большимъ потѣха была, да не къ добру вела, поэтому ей по шеѣ накостыляли и пока что, на улицу показываться не приказали! Вмѣсто потѣхи горячительной, ищите теперь себѣ болѣе пользительной, книжки читайте, театры посѣщайте, а кому для всего этого путь далекъ, пожалуйте въ мой раекъ. И потѣха здоровая и цѣна дешевая, за такую цѣну еще развѣ подсолнушковъ можно купить, а отъ нихъ кромѣ вреда, ничего не можетъ быть...

Прошу подходить!

Покажу картинъ пятокъ,—
Все военныя,
Малевалъ ихъ всякъ, какъ могъ,
Даже... плѣнные!

Вотъ вамъ новая нѣмецкая штука, стоитъ жука, а я бы не далъ за нее и грязной швабры, какъ они не храбры! Додумались нѣмцы до женской воинской повинности. Не хотятъ разводить малинности, а всѣ дѣвченки отъ шестнадцати до двадцати годовъ, извольте отправлятся въ казармы для изученья шитья рубахъ и штановъ, варки супеновъ и котлетъ, стиркѣ бѣлья, уходу за дѣтьми и вообще всѣму, въ чемъ знанья нѣтъ, но что отъ нихъ можетъ въ военное время понадобиться...Нѣмецкимъ барышнямъ очень такая повинность не нравится. Вры тамъ и выдумали штуку; отдавай имъ этихъ солдатокъ въ науку, пусть они барамъ прислугѣ замѣняютъ и у нихъ всѣ женскія науки изучаютъ... Ай да нѣмецкія бары!

Свое дѣло туго знаютъ!

А это тоже нѣмцы, только наши расейскіе, а дѣла, все равно, злодѣйскіе. На флотъ Вильгельму деньги въ Россіи собирали, а когда подъ судъ попали, то тѣмъ оправдываться стали, что они... „этого узнали?" Мы, говорятъ, журнальчикъ только хотѣли имѣть картинки въ немъ поглядѣть?! Ахъ дѣточки несмышленные какіе вы всѣ невинные и законные? Не даромъ вы раньше такъ черную сотню любили...

Но года то у васъ, нѣмецкіе дѣтки, даже бородки посеребрили? И хотя вы все еще русскихъ «полѣномъ дровъ» считаете, но на этотъ разъ и вы, наконецъ, кузькину мать узнаете!

По заслугамъ еще мало получаете!

А это опять они же нѣмцы колонисты Одѣты всѣ барами, чисто. У каждаго брюшко жирное, мурло обширное, кошельки туго набиты деньгами и ѣдутъ цѣлыми поѣздами, изъ прибалтійскаго края къ Уралу переселяются и очень за это ругаются, на русскихъ звѣрями

Юмористическіе и фантастическіе

Военные разсказы,

СТИХИ и КАРРИКАТУРЫ ТРАВИНА.

ВЫШЛИ КНИЖКИ:

1

Какъ Вильгельмъ чорту душу продавалъ?

2

Свинья красавица или одураченные нѣмцы Къ чему Вильгельма во снѣ увидать?

3

ГЕРМАНСКІЕ ГЕНЕРАЛЫ и РУССКАЯ ПОРТЯНКА

4

КАКЪ РУССКІЙ САПОГЪ НАПУГАЛЪ ЦѢЛЫЙ НѢМЕЦКІЙ ПОЛКЪ? ТУРЕЦКІЙ СУЛТАНЪ НА ВЕРЕВОЧКѢ. ЖАРЕНЫЙ БИЛЬГЕЛЬМЪ.

5

ДВА ИМПЕРАТОРА ВЪ ПОЛОЖЕНІИ «ХУЖЕ ГУБЕРНАТОРА». СУЛТАНЪ МАГОМЕТЪ ПРОДАЕТЪ СВОИ ГАРЕМЪ.

6

СЛЕЗЫ ЧУДОВИЩЪ. ГЕРМАНСКІЙ КРОКОДИЛЪ

7

КАТАСТРОФА. ГИБЕЛЬ ТРЕХЪ ИМПЕРІЙ

8 „СВОБОДА и ПАЛАЧЪ!

9 ЗА РОДИНУ и ВОЛЮ. МАРСЕЛЬЕЗА

10 ГЕРОИ ИЗЪ НАРОДА!

11 ВИЛЬГЕЛЬМЪ-ЛЮДОѢДЪ!

12 ВИЛЬГЕЛЬМЪ-КЛОПЪ.

13 ГЕРМАНІЯ-УБІЙЦА!

14 ДИКАЯ КРОВЪ.

15 РАЗГРОМЪ ТУРОКЪ.

Цѣна каждой книжки 3 коп. съ перес. 5 коп.

Складъ изданія: Москва, Доминиковская, 2, кв. 25. С. Алянчикову. Деньги можно высылать марками.

НОВЫЯ ВОЕННЫЯ ПѢСНИ

Русскія военныя пѣсни 1915 года. книга 1-я ц. 5 коп.

Русскія пѣсни войны 1915 года. книга 2-я ц. 3 коп.

Нѣмецъ-директоръ.

— Ишь рушки швинъ, какой собакъ посадилъ, штобы меня больше не пускать... злючѣй меня будетъ? Приходится „поворотъ изъ подъ воротъ", какъ рушки швинъ гавритъ!

глядятъ, прямо проглотить хотятъ и никакого смиренія или почтенія... Волчье племя безъ сомнѣнія!

Пора, наконецъ избавиться отъ ихъ разведенія

Еще вотъ картина московская и для нѣмцевъ таковская. Артисты для солдать табакъ собирали и между прочимъ, въ двери богатыхъ нѣмцевъ постучали. Что же нѣмцы, живущіе въ Москвѣ припѣваючи, имъ сказали? Мы говорятъ, для русскихъ солдатъ жертвовать не желаемъ. Вотъ это мы понимаемъ; у насъ же живутъ, нашу хлѣбъ-соль жрутъ и можно сказать даже обжираются, кровью нашей какъ паразиты, напиваются и... и оскорблять насъ же не стѣняются? Э-эхъ... свиньи, положимъ тоже грязью наслаждаются.

Ну вотъ вамъ и картины для развлеченія—

Мое почтеніе!

Москва Типографія С. А. Алянчикова
Домниковская улица д. 2, кв. 25.